

С праздником, дорогие женщины!

Номер этой газеты выходит накануне замечательного праздника – 8 Марта.

Предлагаем читателям интересную историю, которая приключилась давно с Владиленой Дмитриевой, Дмитрием Блохинцевым и Александром Лейпунским. Эта история о том, как девушка помогла великим учёным. Тогда, правда, они ещё не знали о своём величии.

В. Дмитриева
в молодости

Молодой Д. Блохинцев

А. Лейпунский

Это было летом далёкого 1948 года. Я тогда работала на объекте «В», который спустя некоторое время стал называться Физико-энергетическим институтом (ФЭИ). Моё рабочее место находилось в северном крыле главного корпуса института на первом этаже. Я была лаборанткой-расчётчицей.

В комнате за столом у окна сидел Дмитрий Иванович Блохинцев, а у двери – я. К Блохинцеву приходил Александр Ильич Лейпунский. Они негромко обсуждали свои важные задачи.

Мне давали формулы, по которым я что-то рассчитывала. Никаких расчётных машин тогда не было. Умножала и делила на бумаге, а складывала и вычитала на счётах.

Как-то сидели на работе, была суббота. Тогда у нас был один выходной – воскресенье.

Поездка в Москву

Я услышала, что в воскресенье они собираются поехать в Москву, и попросила: «Возьмите меня с собой!».

Дмитрий Иванович сказал: «Давай, приходи к административному корпусу».

На следующий день рано утром я пришла, и мы поехали. Впереди сидел А.И. Лейпунский с шофёром, я на заднем сиденье с Д. И. Блохинцевым.

Доехали мы до конца проспекта Ленина, где был магазин «Репка», а там шлагбаум опущен перед железнодорожным переездом – подземного проезда тогда ещё не было. Шёл поезд, и мы остановились перед закры-

тым шлагбаумом. Вдруг я говорю: «Интересно, во сколько часов мы приедем в Москву?»

Александр Ильич повернулся и сказал: «Ну, всё – женщина спросила – что-нибудь случится».

И вот, не доезжая до Подольска, машина встала. Шофёр поднял капот и достал стаканчик-отстойник, который лопнул ровно пополам, как будто его разрезали – никаких осколков нет.

Что делать? Запасного стаканчика нет, магазинов рядом нет, вокруг лес. И вообще, шофёр сказал, что никогда не сталкивался с такой поломкой.

А я сообразила быстро, взяла стаканчик и побежала в ближайшую деревню.

В одном из домов попросила у хозяйки простого хозяйственного мыла. Смазала этим мылом две лопнувшие половинки стаканчика, соединила их. Прибежала обратно, поставили стаканчик на место, и доехали мы до Москвы.

Когда вышли из машины, Александр Ильич сказал: «Вот вы виноваты, вы и починили!».

Владилена Семёновна
Дмитриева.
30.11.2017г.

И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

В. Маяковский

Поездка на юбилей 1-й танковой армии

В конце января я получил приглашение принять участие в юбилейных мероприятиях по случаю 75-летия со дня основания 1-й гвардейской Краснознамённой танковой армии.

Это была вторая моя поездка в соединение. Армия в послевоенное время располагалась в Германской Демократической Республике и считалась одним из форпостов стран социалистического лагеря. В период так называемой перестройки перебазировалась на территорию СССР (Московский Военный Округ). В начале девяностых она была расформирована.

Армия воссоздана на основании указа президента в 2014-м году. В её состав вошли Таманская и Кантемировская дивизии, другие, близкие по профилю армейские соединения.

Сегодня 1-я гвардейская Краснознамённая танковая армия – наиболее мощное соединение сухопутных войск Российской Федерации.

Тогда, во время первой поездки в Баковку, в январе 2015-го года, из приглашённых ветеранов на праздничные мероприятия, были, в основном, ветераны армии послевоенного периода. Из участников войны присутствовали два или три человека.

В тот год отмечали день рождения армии (27 января 1943 года, Калининский фронт) и вручение представителем министерства обороны штандарта командующему армией.

На том же мероприятии командование армии, помимо всего прочего, знакомились с ветеранскими организациями (Московским и Смоленским Советами ветеранов).

На этот раз 3-го февраля приехал в Баковку, где планировалось несколько мероприятий. Появилась возможность познакомиться с бытовыми условиями рядового и сержантского состава. Нужно сказать, что эти условия весьма приличные. Помимо спального помещения, оружейной комнаты, есть сушилки и другие помещения, где военнослужащий может занять себя и проводить свободное время. Всё оборудование, особенно сантехническое – добротного качества.

В моё время казарменные помещения были значительно проще. Для проведения свободных мероприятий

казармы располагали только «Ленинской комнатой». Однако большей популярностью у личного состава пользовались туалетное помещение, совмещаемое с умывальниками. Там, как правило, был ящик приличного размера, который постоянно наполнялся махоркой. Когда солдаты располагались в казарме, это помещение, как правило, не пустовало.

3-го февраля, помимо юбилейных мероприятий, представитель Министерства обороны вручил новое знамя армии. По этому случаю был устроен парад на плацу, и, в торжественной обстановке, под этим флагом офицеры армии прошли в парадном строю. Впечатляла их высокая строевая подготовка. Красное знамя армии периода ВОВ стояло в сторонке, как дань прошлого, место которого только и осталось в музее.

После парада в помещении клуба Ансамбль песни и пляски имени Александра дал концерт. Если в 2015-м году концерт длился около двух часов, в этом году – порядка 40 минут. Возможно, Ансамбль еще не полностью укомплектован.

После концерта – банкет. Командарм убыл сразу после парада. За столом руководит начальник штаба. Он и выступил первым с небольшой поздравительной речью и тостом. Затем выступили командармы послевоенного периода. В своих выступлениях они были аккуратны. В основном говорили о своём, советском периоде командования. 1-я Гвардейская Краснознамённая танковая армия и тогда была она одним из мощных соединений Советской армии.

Председатель Смоленского Совета ветеранов армии генерал-майор Г.Н. Большага рассказал, как провели 27-го января юбилей армии в Смоленске. По его информации общественность города приняла активное участие в этом мероприятии. Состоялся митинг на центральной площади.

К концу банкета предложили выступить мне, как единственному участнику ВОВ в этом зале. Что мог

сказать я, капитан Советской армии, вышедший в запас в 1958 году, располагая минимумом доступной информацией о Российской армии?

На банкете в соседнем ряду столов сидят офицеры этой армии. Я решил, что моё выступление должно быть обращено к ним.

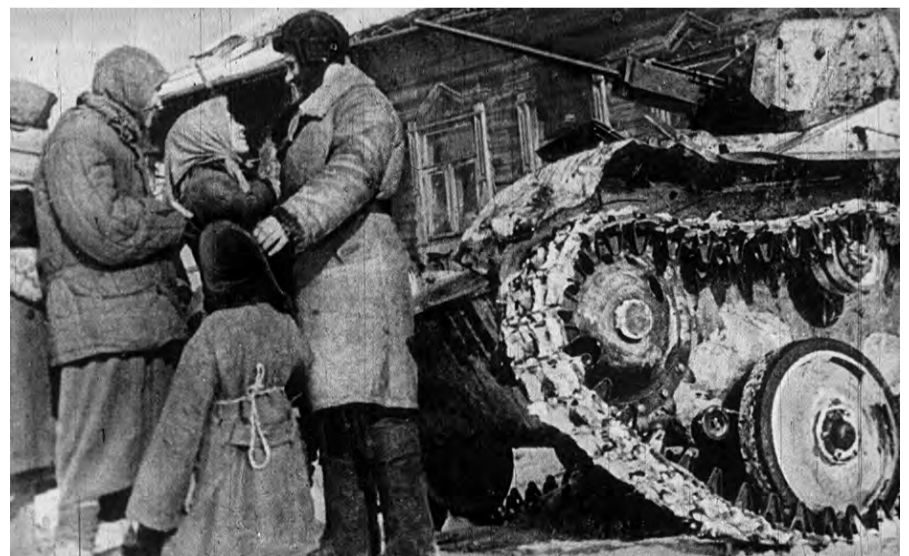
Первое, с чего я начал, это о командарме Михаиле Ефимовиче Катукове. Бывая практически ежегодно в Советские времена на встречах ветеранов войны 1-й ТА, я редко слышал от высокого начальства что-либо о командарме. С другой стороны младшие чины, рядовые и выше, вплоть до старших офицеров провозглашали тост за командарма, и величали себя, как правило, катуковцами. О причинах я разобрался позже.

Михаил Ефимович Катукоев, в послевоенное время маршал бронетанковых войск Советской Армии, на мой взгляд – личность неординарная и вместе с тем героическая. Нет, он не ходил в атаку с винтовкой и примкнутым штыком наперевес, не сидел за штурвалом танка Т-34, атакующего противника. Он грамотно командовал своими соединениями (1-я гвардейская танковая бригада, 1-й танковый корпус, 3-й механизированный корпус, 1-я танковая армия).

О трагических событиях начала войны Г.К. Жуков сказал, что в армии накануне войны «...всё серьёзно глубокомыслящее постигла трагическая участь...». Катукоев эта участь обошла. Он не был солдафоном, отдающим приказы направо и налево своим подчинённым. Он был вдумчивым, коммуникабельным, контактным военачальником. Он умел слушать своих помощников, доверял штабу, переживал за судьбу экипажей, горевших в своих танках.

Конец сентября 1941-го года. Идёт четвёртый месяц ожесточённых боёв Красной Армии с войсками вермахта. Стратегические цели нацистской Германии к этому времени, согласно плану Барбаросса, достигнуты. Кадровая Красная Армия, в основном, разгромлена.

Третьего октября 1941-го года 24-й моторизованный корпус генерала Г. Гудериана ворвался в город Орёл. Крупное оперативное соединение немецкой армии вышло, таким образом, на стратегическую дорогу – Симферопольское шоссе. Путь врагу к столице в первых числах октября, по существу, был открыт. До Москвы оставалось чуть больше суток хода. Верховное командование Германии доложило Гитлеру, что судьба столицы Советской России будет решена в течение ближайших нескольких дней.

Не знали, кто такой Катукоев? Знайте: это дерзкие удары, горящие фашистские машины, освобожденные жители сел, спасенные дети.

М. Катук

В это же время другая крупная группировка сухопутных войск двигалась к Москве по калужскому направлению, также, не встречая должного сопротивления.

Второго октября 4-я танковая бригада полковника Катук, прибывшая из Сталинграда, где она была спешно сформирована, выгрузилась в Мценске. Согласно приказу Я. Федоренко (начальника Автобронетанкового управления Красной Армии), бригада срочно должна двигаться своим ходом на Орёл.

Ближе к полуночи третьего октября на окраину Мценска в расположение только что прибывшей бригады подъехала легковушка с генералом. Выбравшись из машины с адъютантом, генерал попросил дежурного командира препроводить его к комбригу. Взобравшись в штабную машину, где располагался Катук, прибывший спросил:

– Вы комбриг 4-й?

– Да, полковник Катук, – увидев вошедшего генерала, ответил Катук.

– Генерал Лелюшенко, командующий группой войск на этом направлении, – представился генерал. – О группе войск сказано громко. У меня в распоряжении пограничный полк и сводный батальон Тульского оружейного училища. – И дальше, – дорогой полковник, я не могу дать и точных сведений о противнике: не знаю обстановку. Воздушная разведка доложила, что к Орлу приближается механизированная колонна немцев. наших подразделений разведка не видела. В Ставке полагают, что это может быть 24-й механизированный корпус генерала Гудериана. Опасность, полковник, что они выходят на магистраль Симферополь – Москва. Мне доподлинно известно, что с Дальнего Востока, Сибири, Средней Азии движутся эшелоны с дивизиями. Голубчик, нам нужно продержаться хотя бы неделю.

24-й механизированный корпус генерала Г. Гудериана в составе двух танковых и одной механизированной дивизии насчитывала более 600 боевых машин, в основном, танков.

Бригада Катук располагала всего 49-тью танками: по роте лёгких – Т-72, средних – Т-34, и тяжёлых – КВ, батальона мотопехоты и, а также приданных ей по распоряжению генерала Д.Д. Лелюшенко, пограничного полка со сводным батальоном тульских курсантов.

Комбриг М. Катук, понимая, что его танковым подразделением будет крайне сложно противостоять соединениям механизированного корпуса Гудериана. Он принимает единственно верное решение – атаковать движущиеся колонны танков и мотопехоты противника из засад, дерзко навязывая неожиданно бой в выгодных для себя условиях и, уходя снова в засаду, караулить немецкие танки уже в другом месте. Тактика полковника Катук дала свой результат. Командование танковой группы Гудериана была озадачена, полагая, что им противостоит крупное танковое соединение Красной Армии.

Вот что писал американский военный историк Алан Кларк в своей книге «План «Барбаросса» о ситуации, сложившейся на московском направлении в октябре 1941-го года:

«...хотя немцы на севере и в центре были ближе всего к Москве... истинная опасность для Красной армии таилась дальше к югу, где против Жукова, почти не имевшего танков, находилась вся 2-я танковая армия Гудериана. На этой стадии сражения у Жукова оставалась только одна самостоятельная танковая часть, 4-я танковая бригада полковника Катук...»

Получив приказ повернуть вокруг Мценска и задержать наступление Гудериана на Тулу, Катук нанёс резкий удар по 4-й танковой дивизии 6-го октября, заставив её пережить несколько трудных часов и понести тяжёлые потери.

Глава государства и Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин пребывал в эти дни в прострации. За каких-то нескольких дней он осунулся, выглядел постаревшим. Сетка морщин под глазами указывала на предельную усталость. Груз ответственности, казалось, основательно придавил этого человека.

Днём 6-го октября начальник Генштаба Б.М. Шапошников позвонил ему из Ставки и доложил: «Четвёртая танковая бригада полковника Катук, сосредоточенная в районе Орла, навязав свою тактику ведения боя, приостановила продвижение 24-го механизированного корпуса Гудериана. На этом направлении заняла оборону 13 армия. Подходят и занимают позиции новые соединения, прибывшие из Сибири. Обстановка начинает стабилизироваться».

Успешные действия 4-й танковой бригады и её командира – полковника М. Катук, пролились как бальзам на душу Верховного.

Как известно, Московское сражение Красная Армия выиграла. Верховный Главнокомандующий командира

4-й танковой бригады М. Катук запомнил. Войну Катук закончил в Берлине в должности командарма и в звании генерал-полковника.

Штурм Берлина в апреле 1945-го года для 1 ТА был также очень непростым. После мощнейшей артиллерийской и авиационной подготовки Зееловских высот 8-я общевойсковая гвардейская армия генерала В. Чуйкова преодолеть эту полосу обороны немцев не смогла. Командующему 1-м Белорусским фронтом Г. Жукову ничего не оставалось, как бросить на штурм Зееловских высот 1-ю ТА: 1-й Украинский фронт И. Конев, не встретив особого сопротивления немцев, спешно продвигался к Берлину. Началась гонка: кто первый повесит красное знамя над Рейхстагом.

В Берлине немцы встретили советские танки новым оружием – панцерфаустами. Горели танки, горели экипажи.

После Берлинского сражения командарм посещает 1-ю гвардейскую танковую бригаду.

Во время Московского сражения 4-я танковая бригада решением Верховного – была переименована в 1-ю танковую бригаду. Ей так же присвоили звание гвардейской. Войну в Берлине бригада закончила с оставшимися целыми шестью танками.

При посещении командарм пытался выяснить, сколько же его товарищей по совместной судьбе дошло до Берлина. Вот что он писал в своих воспоминаниях:

«...Одна мысль не давала мне покоя: сколько осталось живых тех, кто начинал со мной войну в сорок первом? Я вышел на середину строя и спросил, кто воевал под Орлом и Мценском? Слова мои были встречены молчанием. Строй не шевельнулся. – Кто воевал со мной на Волоколамском шоссе? Пять шагов вперёд! Строй дрогнул, расступился. Навстречу мне шагнули с десяток человек. Горло стиснула спазма: неужели это все, кто остался в живых?».

Следующее, что я кратко изложил в своём выступлении – послевоенные судьбы ветеранов войны. Не всех, конечно. Но со многими мне пришлось общаться. Так сложилась судьба, что эта общность, в основном, солдатская – стала для меня наиболее близкой.

Не у всех ветеранов послевоенная жизнь складывалась благополучно. Особенно у тех, кто ушёл на войну со школьной скамьи. Неизгладимо трудные дни и ночи инвалидов, потерявших конечности и упрятанных на Валааме, других потайных местах; у ветеранов, попавших в плен и вернувшихся из плена на родину.

В стране за период с 1945-го по 1965-й годы, т. е. целое двадцатилетие, как бы забыли о том, что была война. Бывшие её участники, демобилизовавшись, поменяв армейскую одежду и, упрятав награды в дальние ящики, включились в трудовые будни. И только в 1965 году, когда Л.И. Брежнев пришёл к власти, страна вспомнила, что была война, были люди, пришедшие с войны.

В какой-то день Володя Бажин, профорг лаборатории в ФЭИ, подходит ко мне и говорит:

«Давай рубль, будем чествовать ветеранов войны».

Я подумал, к чему бы это. Завтра – 9-е мая, но рабочий день. Рубль ему, конечно, я дал. Но на следующий день он его мне вернул.

Благодаря Л. Брежневу общество вспомнило, что, действительно, была война. Появляется лозунг: «Никто и ничто не забыто!». По стране создаются ветеранские объединения однополчан. Нашли и меня. Каждый год 9-го мая многие ветераны 1-й ТА по приглашению прибывают в Москву и останавливаются в гостинице «Москва». После парада на Красной площади, торжественных мероприятий – из ресторана гостиницы звучат песни «Три танкиста, три весёлых друга» и другие песни военных лет. На встречах разведроту 19-й мехбригады представляли: помпотех А. Эвельсон, разведчики. Афанасьев, Морозов и я.

На этих встречах к ветеранам, участникам ВОВ, пришло осознание – в своей жизни они сделали главное – отстаивали свободу и независимость своей страны. Это осознание дало не только им, но и стране многое.

Формируются поисковые отряды, как-то вдруг узнают, что на местах бывших сражений не все останки павших были преданы земле. И они оказались в списках, как пропавшие без вести. Многие родственники смогли узнать, где и как погибли их солдаты. А ведь известно, что война заканчивается только тогда, когда последний павший будет захоронен.

Эйфория ветеранских встреч каждый год убывала. На встречи приезжало всё меньше и меньше ветеранов. Вначале девяностых из разведроты приехал только я. Из бригады – человек шесть или семь.

В Баковке, на встрече во вновь воссозданной 1-й гвардейской Краснознамённой танковой армии приходит как бы прозрение: Великая Отечественная война ушла в историю, в прошлое, как и Отечественная война 1812 года, другие войны, которые вела Россия.

Сегодня – другая Россия и армия Российская – другая. Другие знамена и ордена, как и униформа военнослужащих, сидящих в этом банкетном зале. И свою военную историю делают сегодня они, гвардейцы Первой Танковой, сидящие в этом зале.

Поколение участников ВОВ практически ушло. На память приходит стихотворение Расула Гамзатова «Журавли», ставшее песней с такими словами:

*Настанет день и с журавлиной стайей,
Я поплыву в такой же синей мгле
Из-под небес, по-птичьей окликающей,
Всех вас, кого оставил на земле....*

В. Вареник

